

19.538

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-83

Къ исторіи кафедры славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ Королевскомъ Александровскомъ Университетѣ.

Вл. Францева.

Конецъ XVIII-го и начало XIX-го столѣтія въ польской наукѣ и литературѣ характеризуются необыкновенно высокимъ подъемомъ славянскаго самосознанія. Политическія событія первой четверти XIX столѣтія складывались весьма благопріятно для развитія этого движенія въ польской общественной мысли, литературѣ и наукѣ.

Центромъ, въ которомъ сгруппировались всѣ виднѣйшіе представители науки и изящной словесности польской, было знаменитое въ лѣтописяхъ польскаго просвѣщенія „Общество друзей наукъ“ въ Варшавѣ („Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk“), просуществовавшее съ 1800 г. до 1832 г. и положившее не мало трудовъ на пользу славяновѣдѣнія.

Въ обширной монографіи А. Краусгара, посвященной детальнѣйшему обзорѣ жизни этого ученаго учрежденія¹⁾, мы встрѣчаемъ рядъ именъ ученыхъ, потрудившихся на поприщѣ разносторонняго изученія славянскаго міра, преимущественно въ его прошломъ, и еще болѣе богатый списокъ научныхъ трудовъ, чтеній и докладовъ членовъ этого общества. Тутъ подвизаются философъ и славянскій патриотъ Станилавъ Стапиць, знаменитый лексикографъ С. Б. Линде, санскритологъ и изслѣдователь славянской старины Валентій Скороходъ-Маевскій, этнографъ и археологъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, предшественникъ Шафарика Лаврентій Суровецкій, пѣвецъ славянской идеи, поэтъ Янъ Вороничъ, епископъ Янъ Коссаковскій, историкъ Нарушевичъ, Г. С. Бантдке, Іоакимъ Лелевель, кс. Чайковскій, Казимиръ Бродзинскій, славянскій путешественникъ кн. Ал. Сапѣга, архіепископъ могилевскій Богущъ-Сестренцевичъ и мн. другихъ.

¹⁾ Towarzystwo Warszawskie przyjaciół nauk. 1800—1832. Monografia historyczna, opnuta na źródłach archiwalnych, przez Alexandra Kraushara. Warszawa, 1900—1904, вышло 6 томовъ.

Труды названныхъ представителей польскаго славяновѣдѣнія не въ одинаковой степени достойны памяти потомства, но даже и наименѣе удовлетворительные изъ нихъ имѣли въ свое время значеніе, вызывая обмѣнъ мнѣній и возбуждая дѣятельность новыхъ изслѣдователей славянства. Научнымъ силамъ, работавшимъ на этомъ поприщѣ, необходимо было войти въ непосредственную связь съ центромъ тогдашней славянской науки, Прагой и ея учеными. И Общество друзей наукъ рано обратило вниманіе на этотъ „Виелемъ“, а затѣмъ и „Іерусалимъ“ славяновѣдѣнія. Связи съ Прагой начались очень рано, благодаря посѣщенію ея сначала виленскимъ епископомъ Коссаковскимъ, который по возвращеніи изъ Чехіи 5-го февраля 1803 г. читалъ въ Обществѣ докладъ: „Rzut oka na literaturę Czeską“, а затѣмъ, нѣсколько позже, благодаря Яну Вороничу, который, побывавши въ Прагѣ, въ докладѣ Обществу 1-го декабря 1816 г. констатировалъ уже взаимное уваженіе чешскихъ и польскихъ ученыхъ къ трудамъ ихъ и отмѣтилъ пожертвованіе Добровскаго въ пользу бібліотеки Общества¹⁾. На необходимость обратиться къ непосредственному изученію славянства указывалъ знаменитый Альбертранди въ своей интереснѣйшей запискѣ: „Myśli względem sposobów wydoskonalenia i z bogaceniam ojczyzstego języka“²⁾.

Въ числѣ средствъ, могущихъ способствовать усовершенствованію и развитію польскаго языка, онъ рекомендуетъ отправленіе одного или нѣсколькихъ лицъ къ братскимъ славянскимъ народамъ („wysłanie iedney lub kilku osób do pobratyńskich narodów, używaniem Słowiańskiego, lub wyrostek Słowiańskiego ięzyka zaleconych“) для изученія славянскихъ нарѣчій.

Мысль объ ученомъ путешествіи по славянскимъ землямъ съ цѣлью изученія прежде всего славянскихъ нарѣчій для пользы польскаго языка и словесности занимала и университеты виленскій и варшавскій. Первый привелъ ее въ исполненіе нѣсколько раньше второго, благодаря особому сочувствію этому дѣлу князя Адама Чарторьскаго, куратора виленскаго округа.

Въ 1817 году совѣтъ виленскаго университета отправилъ въ ученое путешествіе по западной Европѣ, „для усовершенствованія въ экзегетикѣ и библейскихъ языкахъ“, магистра богословія, священника Михаила Бобровскаго. Инструкція, данная молодому богослову, предписывала ему, между прочимъ, посѣтить Прагу,

1) ...„Uczeni Czescy ze strony swoiey pobratymczą uprzejmość i ciągle porozumiewanie się w tym widoku przez związek łatwy z Krakowem naurowczyściey przyrzekli, a jeden z nich, ze sławy swoiey Towarzystwu naszemu znaiomy X. Józef Dobrowski dziesięć książek Literatury Czeskiey tyczących się na ręce moje do Bibl. Tow. w ofierze złożył“. Kraushar, op. cit., III, I, 62.

2) Напечатаны цѣликомъ у Краушара, op. cit., I, 365.

Оломуць, Львовъ, познакомиться съ Добровскимъ и другими славянскими учеными и изучить славянскія нарѣчія настолько, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность заняться сравненіемъ переводовъ библіи на этихъ нарѣчіяхъ. Спустя нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Бобровскаго, когда нѣкоторые результаты его славянскихъ изученій были уже обнародованы, выступаетъ съ проектомъ славянскаго путешествія Komissya Rządowa wuznai religijnych i oświecenia publicznego въ Варшавѣ. Рѣшеніе отправить въ славянскія земли кого-либо изъ подающихъ надежды молодыхъ ученыхъ могло состояться, съ одной стороны, подъ влияніемъ членовъ Общества друзей наукъ, съ другой—на него могъ повліять и примѣръ виленскаго университета.

Кандидаты на стипендію для славянскаго путешествія не замедлили откликнуться ¹⁾.

Первымъ кандидатомъ, пожелавшимъ воспользоваться стипендіей для поѣздки въ славянскія земли, былъ извѣстный впослѣдствіи поэтъ Іосифъ-Богданъ Залѣскій (Józef B. Zaleski), который въ прошеніи своемъ отъ 15 августа 1822 г., поданномъ въ Комиссію, говорилъ слѣдующее: „Я родился на Украинѣ, въ Кіевской губерніи, въ 1801 г. Уже въ юности я имѣлъ возможность ознакомиться съ нарѣчіями (dialekta) старо-славянскимъ, или церковнымъ, малорусскимъ и русскимъ, въ которыхъ впослѣдствіи утвердился основательнѣе. Курсъ гимназическихъ наукъ я прошелъ въ Уманской гимназіи. Въ часы, свободные отъ школьныхъ занятій, равно какъ и въ теченіе года по окончаніи курса, я старался изучать старые и новые труды на славянскихъ нарѣчіяхъ, въ особенности же въ думахъ, обычаяхъ и обрядахъ малорусскаго народа искать духа древности, характера и языка. Эти занятія пробудили во мнѣ непреодолимое желаніе совершенствоваться далѣе и обратиться вниманіе моихъ соотечественниковъ на этотъ важный и обрѣтающійся въ пренебреженіи предметъ“. Прибывъ въ 1820 г. въ Варшаву, съ цѣлью продолжать образованіе въ университетѣ, Залѣскій, какъ заявляетъ онъ въ своемъ прошеніи, сталъ посѣщать курсы изящныхъ наукъ и администраціи, но по прошествіи двухъ лѣтъ, стѣсненный печальными домашними обстоятельствами, несмотря на всѣ усилія остаться въ Варшавѣ, вынужденъ былъ однако выѣхать въ провинцію и принять обязанности домашняго учителя. Въ обоснованіе своего ходатайства, въ заключительныхъ строкахъ прошенія Залѣскій обращалъ вниманіе Комиссіи на

¹⁾ Матеріалъ для настоящаго очерка мы почерпнули почти исключительно изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи архивныхъ данныхъ о командировкѣ А. Кухарскаго и отчасти изъ его писемъ къ Ганцѣ и цитируемыхъ въ своемъ имѣтѣ писемъ, напечатанныхъ въ *Gazecie Polskiej* 1828 и 1829 г.

свои „славянскія стихотворенія“, напечатанныя имъ въ периодическихъ изданіяхъ, имѣя въ виду, вѣроятно, нѣкоторые переводы, какъ, напримѣръ, „Pieśń staroczeska (z rękopisu Królodworskiego)“, напечатанную имъ въ журналѣ Pamiętnik Warszawski (1822, t. III, 11—12). Другіе труды (pisma), относящіеся къ предмету спеціальныхъ занятій своихъ, Залѣскій предлагалъ представить Комиссіи немедленно, если бы она этого потребовала. Кромѣ того, въ доказательство знакомства съ нѣкоторыми славянскими нарѣчіями онъ обязывался сдать соотвѣтствующій экзамень.

Резолюція, положенная на прошеніи Залѣскаго, была нѣсколько неожиданной. Комиссія временно какъ бы отказывалась отъ мысли послать какого-либо кандидата за границу („wysłanie wybrać się mającego kandydata nie tak prędko nastąpi“), но въ то же время, въ отвѣтъ на прошеніе Залѣскаго, сообщила ему, что въ случаѣ, если бы въ будущемъ онъ пожелалъ воспользоваться „благодѣянiami командировки“, отъ него потребуются необходимыя „квалификаци“, т. е. онъ долженъ будетъ обнаружить свои познанія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Отъ кандидата требовалось въ особенности доказать, что онъ въ полной мѣрѣ исчерпалъ изученіемъ дома все то, что можетъ обезпечить ему достиженіе желанной цѣли, а именно, что онъ основательно изучилъ латинскую и греческую грамматику и ознакомился, насколько это возможно было въ Варшавѣ, и съ языками восточными.

Одновременно съ такимъ отвѣтомъ Залѣскому, Комиссія постановляетъ однако (14 апрѣля 1823 г.) просить совѣтъ Королевскаго университета и Общество элементарныхъ школъ (Towarzystwo do szkół Elementarnych) заняться, по возможности скорѣй, выработкой инструкціи для будущаго стипендіата, путешественника по славянскимъ землямъ.

Совѣтъ университета уже 24 апрѣля 1823 г. на предложеніе Комиссіи далъ краткій и категорическій отвѣтъ: профессоръ по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій Линде не получилъ еще увольненія и хотя онъ лекцій не читаетъ, однако заявленія объ оставленіи профессуры не сдѣлалъ, а потому кафедра не можетъ считаться въ дѣйствительности вакантной.

Такимъ образомъ, и заботы о подготовленіи замѣстителя Линде совѣтъ считалъ преждевременными! Кромѣ того, совѣтъ отказывался составить инструкцію для кандидата, который ему былъ неизвѣстенъ, и относительно научныхъ склонностей котораго совѣтъ ничего не зналъ. Отвѣтъ этотъ былъ подписанъ ректоромъ кс. Швейковскимъ и ссрѣпленъ Казимиромъ Бродзинскимъ.

Не такъ отнеслось къ предложенію Комиссіи Towarzystwo

Elementarne, въ лицѣ предѣдателя своего, то о же Линде, за котораго столь рѣшительно заступился совѣтъ университета.

Краткая инструкция, или вѣрнѣе—нѣкоторыя мысли о путешествіи по славянскимъ землямъ кандидата на кафедру славянской литературы была представлена Элементарнымъ Обществомъ уже 28 апрѣля 1823 г., всего четыре дня спустя послѣ отказа университета обсудить этотъ вопросъ.

Содержаніе этого драгоценнаго документа состояло въ слѣдующемъ. Кандидатъ долженъ быть отправленъ за границу только тогда, когда онъ въ состояніи будетъ доказать, что имъ въ области его предмета исчерпано все, что можно изучить дома. Прежде всего, онъ долженъ основательно изучить грамматики латинскую и греческую и ознакомиться, насколько это возможно въ Варшавѣ, съ восточными языками. Особенно хорошо надлежитъ ему ознакомиться съ всеобщей философскою грамматикой (z grammatyką powszechną filozoficzną), какъ она преподается въ университетѣ и излагается въ трудахъ Сильвестра де Саси, Фатера, Якоба, Бергарда и др.

Что касается славянскихъ нарѣчій, то инструкция Линде ставила на первомъ мѣстѣ изученіе польскаго языка. Кандидатъ долженъ начать занятія въ этой области съ основательнаго изученія грамматики Линде („z głębię Grammatykę naszą Narodową z wszelkiemi przypisami“) и трудовъ Бандтке и Кассиуша; сравнивши ихъ между собою и съ предшествовавшими имъ грамматиками Крумбольца, Фогля, Монеты, Шляга, Войны, Менинскаго, Заборовскаго и др., онъ составитъ себѣ ясное представленіе о движеніи польской грамматической науки, а это впослѣдствіи значительно облегчитъ ему „грамматическое примѣненіе другихъ славянскихъ нарѣчій“ (przystosowanie grammatyczne innych dyalektów słowiańskich).

Съ русскимъ языкомъ и его литературой кандидату необходимо ознакомиться еще въ Варшавѣ, подъ руководствомъ Маршанда или Вербуша, настолько, насколько это нужно для овладѣнія теоріей русскаго языка и легкаго пониманія различныхъ его стилей. Признавая важное значеніе для всякаго славяновѣда языка церковно-славянскаго, Линде требуетъ отъ кандидата, конечно, на первое только время, хоть нѣкотораго, предварительнаго знакомства съ этимъ предметомъ. Онъ даже предлагаетъ кандидату свое содѣйствіе въ этихъ занятіяхъ, если Комиссія признаетъ его помощь полезною. „Я предложилъ бы кандидату,—говоритъ онъ,—privatissimum у себя на дому, ежедневно часъ, или по крайней мѣрѣ четыре часа въ недѣлю. Въ эти часы я прошелъ бы съ нимъ „Institutiones“ Добровскаго, читалъ бы псал-

тырь въ Острожской библіи, сравнивая ее съ новѣйшимъ славянскимъ изданіемъ Петербургскаго Библейскаго Общества и русскимъ изданіемъ его же, а для ознакомленія съ языкомъ малороссійскимъ сравнивалъ бы съ переводомъ Скорины“.

Для того, чтобы кандидатъ приобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ чтеніи рукописей, Линде предполагалъ читать съ нимъ псалтырь въ переводѣ Лукаша изъ Тарнополя, по рукописи университетской библіотеки; въ зависимости отъ обстоятельствъ могли бы быть пройдены и другія славянскія печатныя и рукописныя книги. „Особенное вниманіе я обращалъ бы всегда на неопѣнныя труды Добровскаго, который такъ глубоко, какъ никто до него, проникъ во внутренній строй славянскаго языка, и не только въ названномъ выше сочиненіи, но и въ чешской этимологіи и въ грамматикѣ этого же языка“. На подготовку кандидата Линде смотрѣлъ серьезно, и требованія его были основательны. „Чѣмъ лучше подготовленъ будетъ отправляемый нами кандидатъ,—заключалъ онъ первую часть инструкціи,—тѣмъ съ большей пользой и тѣмъ скорѣе онъ въ состояніи будетъ совершать свое путешествіе, ибо и глазъ его и ухо будутъ уже имѣть извѣстную споровку, онъ будетъ знать, на что ему слѣдуетъ обращать вниманіе, съ какой стороны разсматривать предметъ“.

Вторая часть инструкціи заключала маршрутъ поѣздки по славянскимъ землямъ. Первымъ пунктомъ остановки послѣ выѣзда изъ Варшавы намѣченъ былъ Краковъ, гдѣ недавно только открылъ свои славянскія чтенія неутомимый проф. Бандтке. Время пребыванія варшавскаго избранника въ школѣ его опредѣляется въ три четверти года, или въ полгода, или и меньше того. Зато для занятій въ Прагѣ отводится цѣлый годъ. Здѣсь необходимо воспользоваться личнымъ руководствомъ и уроками Добровскаго, Ганки, Юнгманна и, можетъ быть, Неѣдлаго. Изъ Праги кандидатъ могъ бы совершить непродолжительную поѣздку въ Лужицу, для ознакомленія съ сербо-лужицкимъ нарѣчіемъ, но для этого рекомендуется предварительно познакомиться основательно съ трудами Бирлинга, Маттеи, Тиципа, Свотлика, Френцеля, Гауптмана. Для ознакомленія съ славянской территоріей по Эльбѣ и въ Мекленбургѣ пособіями могутъ служить труды графа Яна Потоцкаго и Маша. На эту поѣздку, по расчету Линде, достаточно употребить три мѣсяца.

Съ сѣвера славянскій путешественникъ долженъ направиться прямо въ Вѣну. Знакомство и ближайшее общеніе съ Бандтке, Добровскимъ, а въ особенности съ Копитаромъ дастъ ему возможность выработать себѣ самую детальную инструкцію для путешествія по славянскому югу, Штирії, Каринтіи, Венгріи, Далмаціи до Рагузы, гдѣ наилучшими руководителями въ занятіяхъ

литературами „кroatской, далматинской, боснійской, рагузинской“ и пр. будутъ братья Аппендини. Не забыты въ инструкціи Триестъ и Венеція съ ея рукописными сокровищами, высказывается наконецъ желаніе, чтобы кандидатъ, если обстоятельства позволятъ, посѣтилъ и Римъ, въ бібліотекахъ коего хранится немало славянскихъ рукописей.

Только послѣ этого путешествія по землямъ славянства западнаго и южнаго, послѣ ознакомленія съ славянскими нарѣчіями, кандидатъ можетъ начать поѣздку по Россіи. Она открывается посѣщеніемъ Кіева и знакомствомъ съ просвѣщеннымъ митрополитомъ Евгеніемъ; оттуда путь лежитъ въ Москву, гдѣ кандидатъ встрѣтитъ ученое содѣйствіе со стороны почтеннаго проф. Каченовскаго и ознакомится съ сокровищами бібліотеки Синодальной, съ собраніемъ гр. Толстого, а равно и съ трудами Общества Древностей. Въ Петербургѣ содѣйствіе ученыхъ занятіямъ его окажутъ Анастасевичъ, Аделунгъ, Кругъ и др., они же облегчатъ ему доступъ въ Императорскую (публичную) бібліотеку, къ собраніямъ гр. Румянцева и др., введутъ въ Общество любителей російской словесности и въ Россійскую Академію.

Инструкція Линде намѣчала, конечно, только важнѣйшее, имѣя въ виду, что кандидатъ во время путешествія своего самъ позаботится о дополненіи этого наброска, что онъ не упуститъ изъ виду ничего, что можетъ быть ему полезнымъ, и что всюду его вниманіе будетъ обращено не только на ученыхъ („на Uczoność“), но и на простой народъ, на его языкъ, произношеніе, костюмы, обычаи, пѣсни, танцы, жилища, хозяйственные орудія, ихъ названія и пр.

Полагая, что все путешествіе кандидата продолжится три года, Линде считаетъ необходимымъ опредѣлить полтора года на путешествіе по Россіи, но такимъ образомъ на поѣздку по славянскомъ западу и югу оставалось бы тоже полтора года, а этотъ срокъ очевидно былъ недостаточенъ. Въ виду этого, въ заключеніе своей записки Линде заявляетъ: „Если гдѣ, такъ именно въ данномъ случаѣ должно быть принципомъ *festina lente*, и я не сомнѣваюсь, что Комиссія не будетъ колебаться добавить и четвертый годъ, если убѣдится въ его необходимости“.

О кандидатурѣ Залѣскаго больше не встрѣчаемъ упоминаній. На инструкціи Линде была сдѣлана помѣта: „Gdy wysłanie kandydata do Literatur sławiańsk. zostało odłożone, zatem ad acta“. Казалось, дѣло предано было забвенію. Но вскорѣ явился новый кандидатъ, болѣе счастливый въ своемъ ходатайствѣ, хотя и безъ какихъ-либо заслугъ въ наукѣ, дающихъ право на предпочтеніе.

29-го іюня 1823 года въ Комиссію поступило прошеніе А. Ф.

Кухарскаго, учителя келецкой воеводской школы ¹⁾ о командированіи его за границу для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. То, что говоритъ здѣсь Кухарскій о своихъ занятіяхъ, въ значительной степени совпадаетъ съ наставленіями Линде въ изложенной выше инструкціи. Любовь къ отечеству и просвѣщенію, — такъ начинается Кухарскій свое прошеніе, — заставила его избрать тяжелое педагогическое поприще, наиболѣе дающее возможности работать для науки. Специально вниманіе Кухарскаго привлекали польская литература и польскій языкъ, особенно послѣдній. Занятія свои въ этой области онъ начинаетъ, какъ совѣтоваль и Линде, съ основательнаго знакомства съ старыми польскими трудами по языку, выслушавши предварительный курсъ общей грамматики (grammatyki powszechnej) у Линде, въ первый годъ пребыванія въ университетѣ. Эти занятія даютъ ему смѣлость попытать свои силы въ составленіи краткой польской грамматики для женскихъ пансіоновъ и школъ. Учебникъ былъ почти готовъ, но желаніе усовершенствовать его заставило Кухарскаго углубиться въ изученіе „сокровищъ родной рѣчи“. Онъ изучаетъ литературу занимающихъ его вопросовъ, причемъ особенную пользу извлекаетъ изъ Словаря Линде и разсужденій В. Скорохода-Маевского о санскритѣ ²⁾. Исключительныя занятія польскимъ языкомъ однако не удовлетворяютъ его, и онъ привлекаетъ къ сравненію прежде всего языкъ русскій, который изучаетъ подъ руководствомъ лектора русской литературы въ варшавскомъ университетѣ Вербуша, а затѣмъ по грамматикѣ Добровскаго знакомится и съ чешскимъ языкомъ.

„Такимъ образомъ, — заключаетъ Кухарскій, — я познакомился съ тремя замѣчательнѣйшими славянскими нарѣчіями“ (dyalektami). Вліяніе трудовъ Маевского, одного изъ первыхъ

¹⁾ Краткія біографическія свѣдѣнія о себѣ онъ сообщилъ Ганкѣ въ собственноручной запискѣ, которую приводимъ здѣсь въ оригиналѣ, такъ какъ ею исправляются неточности другихъ біографическихъ показаній о Кухарскомъ: „Andrzej Kucharski, Polak, urodził się 1795 r., na Baranach, w Parafii Rajęcno, w województwie nadwczas Sieradzkiem, teraz Kaliskiem. Odbyl nauki początkowe w domu, gimnazyalne w Piotrkowie, wyższe w Warszawie. Otrzymałszy stopień Akademicki Magistra Nauk i Sztuk pięknych, został naprzód Nauczycielem a potem Professorem Szkół Wojewódzkich. Ucząc przez 10 lat języka i literatury greckiej, łacińskiej i polskiej, tudzież historii powszechnej i polskiej w Płocku, Kaliszu, Kielcach i Lublinie, został wezwany od Ministerium Oświecenia w Królestwie Polskiem do odbycia uczonej podróży po Niemczech, Włoszech, Turcyi, Węgrzech i Rossyi, dla poznania różnych dyalektów słowiańskich i zebrania wszystkiego, coby bliższy z nauką, ich mogło mieć związek. Wyjechałszy w tym celu za granicę w końcu 1825 r., zwiedził Śląsk, Czechy, Łużyce górne i dolne, Brandenburgiją i Misniję, bawiąc nadewszystko we Wrocławiu, Pradze, Budyszynie, Zgorzelcach, Kotwicy, Berlinie, w Dreźnie, Halli i Lipsku“. Записка эта помѣчена 28 мая 1827 г. въ Прагѣ.

²⁾ „Rozprawa o języku sanskryckim“, читанная 30 апр. 1816 г. въ публичномъ засѣданіи Товарищества пріюжителей Наукъ и напечатанная въ Rocznikach Tow. P. N. Tom XI, 448—477.

лингвистовъ, обратившихся къ сравненію славянскихъ языковъ съ санскритомъ, на направленіе занятій Кухарскаго не подлежатъ сомнѣнію. Но разсужденіе Маевского о санскритѣ не удовлетворяло Кухарскаго; онъ сознавалъ недостатки его и искалъ содѣйствія въ этихъ вопросахъ. Руководителемъ и помощникомъ явился профессоръ Адрианъ Кржижановскій, математикъ, занимавшійся однако въ Парижѣ санскритомъ и недавно оттуда вернувшійся. Кржижановскій снабжаетъ Кухарскаго санскритской грамматикой Вилькинса, даетъ ему свои французскія записки лекцій по санскриту проф. Шези, доставляетъ и другія пособія, подаетъ ему нѣкоторые совѣты и поддерживаетъ его энергію.

„Счастливыя обстоятельства“ (какія именно, — Кухарскій не говоритъ въ прошеніи точнѣе) дали ему случай ознакомиться, кромѣ того, съ сербскимъ нарѣчіемъ (Верхней Лужицы) и языкомъ церковно-славянскимъ („językiem Cerkiwnym, uważanym za zasadę mowy słowiańskiej“). Убѣдившись въ чрезвычайной важности изученія славянскихъ нарѣчій для науки польскаго языка и желая всецѣло посвятить себя этого рода научной дѣятельности, Кухарскій обращается въ Комиссію съ просьбою о зачисленіи его кандидатомъ для отправленія въ слѣдующемъ, 1824-мъ году за границу „для усовершенствованія въ литературѣ славянскихъ языковъ“ („dla wydoskonalenia się w Literaturze języków Słowiańskich“). Научныя „квалификаціи“ Кухарскаго были не богаты. Въ обоснованіе своего ходатайства онъ ссылался лишь на разборъ польской грамматики Іос. Мрозинскаго ¹⁾ и прилагалъ къ прошенію, въ доказательство подготовленности своей къ филологическимъ разысканіямъ, статью: „O języku Sęskryckim i dyalektach Słowiańskich“ ²⁾.

Но и Кухарскому, въ отвѣтъ на свое прошеніе, пришлось узнать, что Комиссія рѣшила пока воздержаться отъ послыки кого-либо за границу ³⁾. Препятствія были, повидимому, чисто фипансоваго характера. Отказа собственно не было, напротивъ, подавалась какъ будто надежда на возможность благопріятнаго рѣшенія въ будущемъ. Но ждать пришлось достаточно долго.

1) „Pierwsze zasady Gramm. języka Polskiego“, przez Józ. Mrozińskiego, Warszawa, 1820, рецензія въ Gazecie literackiej, 1822, № 26, 28, 29, 32, безъ подписи.

2) Напечатана въ Dzienniku Warsz., Tom I, 1825, 17, 515, въ отдѣлѣ: „Filologia Słowiańska“, но не окончена. Въ дѣлѣ Кухарскаго имѣется расписка (дек. 1823 г.) проф. Адр. Кржижановскаго въ томъ, что ему выдана была „rozprawa Kucharskiego, zawierająca „Badania o dyalektach Słowiańskich“. Авторъ пожелалъ ее исправить и въ новомъ видѣ представить опять Комиссіи. Вѣроятно, эти „Badania“ и работа, напечатанная въ Dzienniku Warsz., одно и то же.

3) Отвѣтъ отъ 6 окт. 1823 г.: „Komissya, pochwalając jego pracowitość i chęci stania się użytecznym oyczyźnie, oświadcza, iż teraz jeszcze wstrzymała zamiar takowego wysłania“ etc.

Только 4-го августа 1825 г. Комиссія извѣщаетъ Кухарскаго, переведеннаго уже въ Люблинъ, о томъ, что онъ командируется за границу съ 1-го сентября того же года, съ содержаніемъ въ четыре тысячи польскихъ золотыхъ (т. е. 600 руб.) въ годъ. Къ указанному сроку кандидату предписывалось приготовиться къ отъѣзду. Въ то же время Комиссія вновь обратилась къ Обществу элементарныхъ книгъ съ просьбой приготовить новую инструкцію для славянскаго путешественника („Kom. wzywa Tow. do xiąg Elementarnych, by rychło podało projekt do udzielenia kandydatowi potrzebnej instrukcyi, a mianowicie, które miejsca ma zwiedzić i gdzie jak długo zabawić“). Предполагалось, что инструкція будетъ вручена путешественнику при отъѣздѣ изъ Варшавы, но на этотъ разъ Общество почему-то не торопилось: инструкція была доставлена въ Комиссію только 20 апр. 1826 г., когда Кухарскій былъ уже въ Прагѣ. Лѣтомъ 1826 г. она наконецъ дошла до его рукъ. Вотъ ея существенныя указанія.

На путешествіе по славянскимъ землямъ Комиссія, отъ имени которой препровождена была Кухарскому инструкція, назначала три года. Осень и зиму 1825 года кандидатъ долженъ былъ провести въ Прагѣ для изученія чешскаго языка. Весну 1826 г. онъ посвятитъ „сорабскимъ“ нарѣчіямъ Верхней и Нижней Лужицы, а также Мисніи (Meissen), Бранденбургіи, Помераніи, Мекленбургу и Ганноверу (полабянамъ). Лѣто предназначалось для словацкаго нарѣчія (въ Венгріи) и „каршіольскаго“—въ Штирії, Каринтіи и Карніоли; осень—для хорватскаго (въ Хорватіи). Отсюда же путешественникъ легко можетъ перебраться въ Триестъ, а затѣмъ въ Венецію, „гдѣ сохранились еще столь многочисленныя слѣды прежней славяницы“, а можетъ быть—и въ Римъ для обзоренія богатѣйшихъ собраній славянскихъ памятниковъ въ его книгохранилищахъ. Зиму 1826 г. и весну 1827 г. кандидату, согласно инструкціи, надлежало провести въ изученіи „иллирійскаго діалекта“ въ Славоніи, Далмаціи, Босніи, Сербіи и Болгаріи; лѣто опредѣлялось для занятій малорусскимъ языкомъ въ Кіевѣ; осень и зима (1827—1828)—для великорусскаго языка въ Москвѣ, а весна и лѣто 1828 г.—для занятій въ бібліотекахъ Петербурга. Составитель инструкціи¹⁾ предвидѣлъ, что точное во всѣхъ деталяхъ выполнение начертанной имъ въ кабинетѣ программы можетъ оказаться не выполни-

¹⁾ Авторъ ея намъ не извѣстенъ. Препроводительная при инструкціи бумага Towarzystwa do xiąg Elementarnych подписана предсѣдателемъ ея І. К. Шанявскимъ. Странно только, что инструкція помѣчена 26 октября 1826 г., а приложеніе къ ней 15 апр. того же года. Напечатана она въ изданіи проф. О. Вержбовскаго: „Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego“, Tom II 1526—1830, Warszawa, 1904, str. 219—221.

мымъ на практикѣ, и потому тутъ же поспѣшилъ сдѣлать оговорку: „Само собою разумѣется, что сроки, обозначенные въ инструкціи, не настолько строго обязательны, чтобы въ случаѣ надобности кандидату нельзя было пробыть въ извѣстномъ мѣстѣ больше или меньше, или даже измѣнить направленіе поѣздки; необходимо только, чтобы кандидатъ увѣдомлялъ объ этомъ и о причинахъ, вызвавшихъ такія измѣненія, Комиссію и чтобы въ продолженіе разрѣшеннаго ему срока командировки онъ объѣхалъ все пространство славянщины“.

Далѣе инструкція рекомендовала кандидату стараться повсюду знакомиться съ лицами, занимающимися разысканіями въ области славянскихъ языковъ и старины, посѣщать библіотеки и изучать въ нихъ сочиненія, относящіяся къ этимъ предметамъ, слѣдить за новѣйшими трудами и періодическими изданіями, стараться самостоятельными разсужденіями и наблюденіями поправить ошибки изучаемыхъ трудовъ. При выполненіи предначертаній программы путешественникъ не могъ, конечно, обойтись безъ опытныхъ и авторитетныхъ руководителей. Инструкція предусматривала необходимость такого руководства: въ Краковѣ кандидату рекомендовалось обратиться къ проф. Бандтке, въ Прагѣ—къ Добровскому, Юнгману, Ганкѣ, Неѣдлому, въ Вѣнѣ—къ Копитару, въ Дубровникѣ—къ братьямъ Аппендини и т. д. Перечислены были тѣ же лица, что и въ извѣстной намъ инструкціи Линде. Наконецъ, инструкція называла всѣ важнѣйшія библіотеки, музеи и частныя собранія старины, указывала (впрочемъ, весьма безпорядочно) и нѣкоторыя пособія по славянскимъ литературамъ и языковѣдѣнію.

Главную задачу путешественника-стипендіата, по мнѣнію Комиссіи, должно составить изученіе славянскихъ нарѣчій, но какъ въ рассмотрѣнной выше первой инструкціи, такъ и теперь отъ него требуется предварительное основательное знакомство съ „всеобщей философскою грамматикой“ и внимательное изученіе трудовъ по разработкѣ родного языка. Это облегчитъ кандидату, съ одной стороны, изученіе грамматики другихъ славянскихъ нарѣчій, съ другой—примѣненіе ея къ родному языку. Заботы о родномъ языкѣ, о надлежащемъ историческомъ и сравнительномъ изученіи развитія его вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ желаніямъ, которыя высказаны были въ отмѣченныхъ выше „Мысляхъ“ Альберт-ранди.

Не забыть былъ инструкціей и языкъ церковно-славянскій, значеніе котораго въ системѣ славяновѣдѣнія было уже опредѣлено трудами Добровскаго. „Онъ долженъ особенно привлекать вниманіе кандидата“, наставляла инструкція.

Далѣе программа занятій славянскаго путешественника обнимала географію всѣхъ славянскихъ земель, въ ихъ древности и позднѣйшихъ измѣненіяхъ, исторію славянскихъ народовъ и исторію ихъ литературъ.

Но пребываніемъ въ главнѣйшихъ центрахъ славянской культурной жизни, занятіями въ библіотекахъ, общеніемъ съ славянскими учеными и бесѣдами съ ними, пользованіемъ ихъ указаніями и руководствомъ не исчерпывается кругъ возложенныхъ на варшавскаго избранника обязанностей. Чрезвычайно важный предметъ изученій его составляютъ славянскія древности, т. е. самые разнообразныя вопросы славянской старины: древняя религія славянъ, система правленія, право, образъ жизни, умственная дѣятельность и физическія черты, игры, преданія, повѣрія и пр. Тутъ уже путешественнику необходимо „снизойти къ народу“ („do ludu prostego zniżyć się powinién“), ибо въ немъ больше всего сохранились старыя обычаи и древнія преданія; тутъ необходимо тщательно искать слѣды древняго языка, изучать обычаи, жилище, орудія, пѣсни, танцы, кушанья, обряды свадебные и погребальныя и т. п. Наконецъ, кандидатъ обязывался представлять Комиссіи за каждую четверть года подробный отчетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ.

Выработанная спеціально для Кухарскаго инструкція признавалась, очевидно, самимъ составителемъ ея недостаточно подробной. Указанія и совѣты ея отличались, какъ мы видѣли, слишкомъ общимъ характеромъ, ибо авторъ знакомъ былъ съ славянствомъ по книгамъ, а съ дѣятелями славянской науки приходилъ въ соприкосновеніе, вѣроятно, лишь при посредствѣ переписки. Въ виду этого къ инструкціи присоединена была (въ польскомъ переводѣ) извѣстная „Записка о путешествіи по словенскимъ землямъ и архивамъ“ П. И. Кеппена, только что напечатанная въ Библіографическихъ Листахъ (1825, № 33—34).

Въ концѣ 1825 г. Кухарскій выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ, воодушевленный самымъ горячимъ желаніемъ осуществить завѣтныя мечты, — потрудиться на едва вспаханной нивѣ польскихъ изученій славянства. Мы не будемъ излагать здѣсь всѣ подробности пятилѣтняго славянскаго путешествія Кухарскаго: надѣемся сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ. Замѣтимъ только, что Кухарскій необыкновенно добросовѣстно отнесся къ своимъ разнообразнымъ задачамъ, выполнилъ почти до деталей нѣкоторыя части программы Кеппена и изъ своихъ славянскихъ странствованій вывезъ, несомнѣнно, множество драгоценныхъ матеріаловъ для многочисленныхъ задуманныхъ имъ работъ и приобрѣлъ въ этихъ поѣздкахъ основательное знакомство съ живымъ славян-

скимъ міромъ. Всѣ его письма и сообщенія о немъ другихъ лицъ свидѣтельствуютъ объ этомъ. Одно изъ писемъ къ варшавскому другу своему онъ заканчиваетъ словами: „Warto, aby ta podróż moja, opieka rządu wsparta, zaszczytnym była uwieńczona końcem, aby z niej dostateczną odniosły korzyść dzieje, ziemiopstwo, literatura i filologia słowiańszczyzny, aby z niej spłynęła sława na naród i rząd, w którym i przez który wzięła swój początek“¹⁾. Но увы! этимъ надеждамъ его не суждено было осуществиться, даже въ малой степени. Небогатый дарованіями, Кухарскій не въ силахъ былъ справиться съ безчисленными задачами, которыя самъ себѣ ставилъ; занятія его не были сосредоточены на капитальныхъ вопросахъ славянской филологіи, отличались хаотическимъ беспорядкомъ, велись большими скачками. Къ тому же и обстоятельства сложились въ послѣдствіи для него крайне неблагоприятно. Интересы научные отодвинулись неволью на задній планъ.

Кухарскій вернулся въ Варшаву въ концѣ 1830 г., наканунѣ роковыхъ событій 1831 г., разрушившихъ и его мечты о профессорской каедрѣ. Зачисленный революціоннымъ правительствомъ въ штатъ профессоровъ варшавскаго университета, съ жалованьемъ въ 4 тыс. польскихъ золотыхъ, онъ однако не могъ вступить на свою каедру. Съ возвращеніемъ порядка въ странѣ и съ утвержденіемъ вновь дореволюціонныхъ штатовъ университета, онъ лишенъ былъ этого содержанія и вскорѣ неожиданно очутился снова учителемъ келецкой воеводской школы. Къ ученымъ проектамъ онъ вернулся нескоро. Повидимому, подъ впечатлѣніемъ неожиданныхъ ударовъ судьбы все было заброшено, забыто. Прервались даже связи съ пражскими друзьями. „Ученѣйшій филологъ и пламенный славянинъ“, какъ называлъ его Погодинъ, замолкъ надолго. И только въ 1838 г. онъ издаетъ „Najdawniejsze pomniki prawodawstwa słowiańskiego“. Изданіе не принесло славы имени Кухарскаго, — въ немъ ему принадлежало, впрочемъ, весьма немногое. О позднѣйшихъ незначительныхъ статьяхъ и отчетахъ Кухарскаго никто уже и не говорилъ. О немъ окончательно забыли.

Варшава, май 1904 г.

¹⁾ Письмо изъ Загреба, отъ 31 декабря 1828 г. *Gazeta Polska*, 1829, № 39—40.

F

19.538